

Л. Кулешов

50 лет в кино

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 791.43/45
ББК 85.38
Л11

Л11 **Л. Кулешов**
50 лет в кино / Л. Кулешов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 366 с.

ISBN 978-5-458-29942-8

Более полувека отдал кинематографу Л. Кулешов — один из зачинателей советского кино, неутомимый экспериментатор, заложивший основы современного киноязыка, создатель известных фильмов: «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков», «По закону» и др. Автор оригинальных значительных книг по кино режиссуре. На всем протяжении этого пути рядом с ним — его верный соратник, друг, жена, актриса, режиссер, педагог А. Хохлова. Эта книга — воспоминания Л. В. Кулешова и А. С. Хохловой об их богатой событиями жизни, о встречах с людьми, о съемках фильмов. Книга иллюстрирована фотографиями из архива авторов.

ISBN 978-5-458-29942-8

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

маю, что на молодежь эти фильмы производили сильное впечатление кажущейся правдивостью.

Из заграничных картин шли шведские с Астой Нильсен и Гаррисоном и итальянские, из которых особо запомнилась «Кабирия» с силачом Маистом.

Почти в каждой программе давали видовую картину, а потом комическую с нашим любимцем Максом Линдером или Глупышкиным, а иногда и волшебную феерию в красках.

Летом синематограф был в городском саду, под открытым небом. Картины проецировались на полотняный экран. Мы смотрели фильмы «с обратной стороны» — так было труднее читать надписи, но зато билеты на эти места стоили дешево.

В колонном зале Дворянского собрания изредка давали концерты столичные знаменитости — Плевицкая, Лабинский, Вяльцева, даже Нежданова, Собинов и Шаляпин. На эти концерты мы попадали чрезвычайно редко, некоторые из них гимназистам запрещали посещать, а на другие часто не хватало денег.

Был и театр — это был огромный деревянный сарай. В театр каждый год приезжала новая труппа. Помню, что в один из сезонов самым любимым нашим актером был Юрий Тарич, блиставший своим комедийным талантом (впоследствии известный кинорежиссер). Мы по несколько раз смотрели «Разбойников», «Недоросль», «Хорошо сшитый фрак». На «Живой труп», «Ревность», «На дне» и ряд других пьес учащиеся не допускались.

Один из артистов, игравший в Тамбовском театре, стажник Панормов Сокольский демонстрировал и говорящее кино: на экране синематографа «Иллюзион» показывалось немое изображение, а сам артист за экраном синхронно изображению произносил текст из «Записок сумашедшего» Гоголя.

— Матушка, пожалей своего больного сына! — гремел специфический театральный голос Панормова Сокольского (синхронизация была довольно совершенной).

Сверх программы можно было посмотреть приход поезда, «художественно» оформленный, вероятно, одними из первых в истории кино шумовиками, также восседающими за экраном.

Зимой все ходили на каток, там играл военный духовой оркестр, по большим праздникам пускался фейерверк. Именно на катке происходили знакомства, детские ухаживания, первые робкие любовные признания. Ах, помню

я этот каток, помню гимназистку с косами до самых пяточек, а я с ней так и не познакомился!

Из городских примечательностей следует упомянуть об иллюминации масляными плошками (они ставились на тротуарных тумбочках по царским дням); о пожарной каланче и великолепных пожарных, выезжающих под непрерывный звон колокола, в сияющих касках, на красных повозках с бочками, запряженных тройками отличных кровных лошадей.

Пожаров я что-то не помню, а тревоги (по главной улице) производились часто. В мороз в 21° вывешивался один черный шар, при пожаре — два, три или четыре — в зависимости от района пожара. Я и сейчас отчетливо помню, как мне тогда хотелось быть пожарным!

А потом летчиком... Мне удалось видеть полет авиатора Васильева, сделавшего один круг над тамбовским спортивным полем (он же выгон для скота) на высоте ста метров и разбившего при посадке свою машину «Блерио» о собор на соседней Базарной площади (ошибся площадями!).

Мне всегда хотелось быть тем, кто производил в данный момент наибольшее впечатление,— гусаром с волочащейся саблей, которого раз в год можно было увидеть на Большой улице, шпагоглотателем в цилиндре и, конечно, учеником морского училища, один из которых приезжал в Тамбов на каникулы (подумать только: матросская бескозырка с золотой надписью и якорями на лентах и широкий черный палаш на поясе!).

Дома считали, что я буду архитектором, но не художником. Я любил рисовать, но делал это хуже, чем мой старший брат. Я все делал хуже старшего брата и был гораздо глупее — может быть, так и было в действительности, а может быть, так уверяли себя и меня родные потому, что мне, как младшему, надо было идти в солдаты, а старшему — нет (таков был царский закон).

Но больше всего я хотел быть летчиком: строил летающие модели с резиновым двигателем, даже планер. Но полететь мне так и не удалось. Первый раз я поднялся в воздух только в 1924 году. На съемках «Луча смерти» меня катал на «Авро» пионер парашютного спорта летчик Леонид Григорьевич Минов... (об этом подробнее я расскажу позднее).

В Тамбове было несколько мотоциклов, аэросани, два автомобиля — один еще без рулевой баранки, похожий на пролетку, а другой — красный, открытый «Бенц», по-

ражающей своей мощностью (20 сил!) и сияющей начищенной медной аппаратурой. Аэросани просуществовали недолго — известный своей жестокостью черносотенец губернатор Муратов запретил их, так как они напугали губернаторский выезд и лошади понесли. (Кстати, много лет спустя я встретился с господином Муратовым. Он снимался как «типаж» в массовках киностудии «Междуречьем». Это был просто жалкий старик.)

Мотоциклы были у богатых гимназистов. Как я им завидовал! Один из этих мотоциклистов — любитель, Можаров, стал конструктором первого советского мотоцикла «ИЖ». В Тамбове я полюбил автомобили и мотоциклы на всю жизнь.

Совершенно особое значение для быта тамбовцев имела река Цна. Город расположен над рекой, на высоком берегу. На другой стороне — обширные заливные луга, плотина, ограждающая деревушку, а за лугами — синяя полоса бесконечного леса.

На набережной стояли хорошие дома, дачи богатых людей и знаменитый купеческой роскошью и аляповатостью «дворец» купца Сукачевца Асеева с массивной, высокой, покрытой золотой краской чугунной решеткой. С крытого подъезда часто с шипом и треском съезжал красный «Бенц» с детьми Асеева, великовозрастными гимназистами и гимназистками (они учились в каждом классе по два года).

К дому Асеева примыкал огромнейший сад, купленный им у одного из монастырей. Помню забор вокруг сада — старинная крепостная стена, по верху которой торчали вмурованные в кирпичи битые бутылки, чтобы никто не лазил воровать фрукты.

Перед домами и дачами шла протоптанная дорожка, по бокам ее над обрывом к реке в некоторых местах были расположены бульварчики. Вечерами по набережной и бульварчикам гуляла «простая» публика — служащие и рабочие.

Ниже, у самой реки, находилось множество лодочных пристаней и купален. Летом почти весь город был на реке: купались или уплывали на лодках в лес. Думаю, что в Тамбове было не несколько сот, а более тысячи великолепных лодок — плоскодонок и яликов. Наши тамбовские лодочные мастера славились на всю Россию. Богатые люди имели спортивные гички из дорогого полированного дерева. Тамбовцы часто после службы садились с семьями в лодки и проплывали две, три, а то и семь

верст по реке к «узкому проливу» со сплошной на всем его протяжении крышей сплетающихся между собой деревьев. У берегов то и дело попадались полузатопленные в воде мореные дубы.

На всю жизнь запомнились проплыты по «узкому проливу». Как сейчас я слышу плеск весел гребца или старшего брата, вижу себя на второй паре весел и отца, непременно сидящего за рулем с «дорожкой» для рыбной ловли. А если опустить руку за борт ялика — то ладонь разрезает набегающую воду, как нос маленького корабля...

Катались по «широкому проливу», по берегам которого стояли огромные, в два-три обхвата, дубы и корабельные сосны.

В лесу по берегу реки стояли избушки, а перед ними по несколько врытых в землю столиков. Здесь можно было получить самовар, чай, посуду. Хозяин «предприятия» покрывал белой скатертью столик, усаживал гостей, и так за чаепитием в лесу над тихой рекой тамбовцы обыкновенно отдыхали до темноты.

Закуску привозили с собой, а в некоторых избушках помимо кипятка и чая продавали изумительно вкусные жареные пирожки. Клиентам говорилось, что приготовлены они на самом лучшем сливочном масле, но настоящие знатоки этого дела знали, что жарят их в кипящем сале — это был «секрет» тещи владельца одной из избушек, поэтому так их и называли «течины пирожки».

Помню название одного из таких лесных ресторанчиков — «Эльдорадо», он помещался на острове того же названия, окаймленном «узким» и «широким» проливами. Как прекрасна была тамбовская природа на Эльдорадо!

Река стала моей первой жизненной школой. До моего поступления в реальное училище наша семья жила на набережной под обрывом в домике владельца перевоза через реку (такая квартира была дешевой). Навсегда запомнилось то, что я услышал и узнал от перевозчиков, гребцов, обслуживающих прокатные ялики, от профессиональных рыболовов.

Сколько раз я перевозил пассажиров на «ту сторону», сколько послушал крестьянских разговоров (на «той стороне» была деревня), сколько собрал копеек за перевоз для хозяина!

А какое удовольствие ловить на удочку синьгаву (так у нас называли плотву), или с профессиональными рыбаками снимать утром с перемета пудовых сомов с длин-

ними усами, или тихо сидеть в отблеске костра на носу лодки при ночной ловле с острогой, или после удачного лова сетями ужинать с рыбаками ухой или пшеничной кашией сливнухой, приготовленной на костре в большом чугунном котле. Сидишь очень тихо и смирно, слушаешь рыбачьи рассказы и ешь так вкусно, как только можно есть на рыбной ловле или охоте.

В детстве река, а позднее охота научили меня любить русскую природу нежно и восторженно.

Но меня также неудержимо привлекали города, которые были не похожи на Тамбов — города большие, столичные. А знал я их по открыткам:

Петербург, Москва, Париж, Нью-Йорк поражали меня четкими линиями улиц, асфальтом и брусчаткой, причудливыми фонарями... А в Тамбове даже на длинной Большой улице тускло горели только две электрические лампочки на прозаических деревянных столбах.

По вечерам тамбовские обыватели любили сидеть на скамеечках около ворот своих домов. Глядели, сплетничали, грызли семечки. По улицам часто проходили торговцы и торговки. Они кричали зазывающе-музыкально: «Сахарное мороженое», «Сахарное мороженое» или «Ягода малина, ягода...», или «Огурчики зеленые, огурчики...». Зимой торговали большими глыбами льда из реки (для ледников).

Я любил природу, но с детства не любил российскую нищету — соломенные крыши, лапти, грязь, городовых.

Немного о семье. Отец — Владимир Сергеевич был сыном помещика. Мечтал об искусстве и против воли моего деда поступил учиться в Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве. Кончил Училище по классу профессора Прянишникова и пешком — буквально по шпалам — вернулся в имение (дед не дал денег на дорогу). В соседней деревне отец познакомился с молодой чернокожей красавицей, сельской учительницей, воспитанницей сиротского дома, и женился на ней. Это была моя мать, урожденная Шубина — Пелагея Александровна. Но деваться им было некуда, пришлось жить у деда. Дед не любил молодых. В имении деда родился мой старший брат Борис (инженер-электрик, умерший в годы Отечественной войны).

А потом случилась типичная для помещиков того времени беда: дед разорился, не то поручившись за какого-

то друга Бжулика, не то проигравшись в карты. Имение пошло «с молотка», и мои родители стали нищими. Дед долго умирал в параличе на руках ненавистной ему невестки.

Тут родился я — это, вероятно, была не очень счастливая для родителей новогодняя ночь с тридцать первого на первое января 1899 года.

Вскоре родители мои переселились в Тамбов.

Отец помимо специальности художника знал и музыку и недурно играл на рояле. В это время в Тамбове появились одни из первых пишущих машинок — американские «ремингтоны». Считалось, что для работы на них необходимо быть хорошим пианистом. Так мой отец сделался «ремингтонистом» в тамбовской земской управе.

Уже долго спустя после смерти отца (он умер в 1911 году), когда я работал в кинематографии, мать рассказала мне о своем, по ее мнению, скромном, а по моему, — большом подвиге. Дело в том, что мой отец, как старший наследник, должен был выплатить значительную для него сумму, кажется, по завещанию деда, а может быть, по постановлению суда — не помню теперь точных обстоятельств этого дела. Отец сразу заплатить не мог, его жалованья едва хватало на полуниценское существование всей нашей семьи. И вот моя мать, экономя на еде и других самых нужных расходах, в течение нескольких лет выплатила долг отца и сказала ему об этом, только показав расписки.

Рассказывая мне о жизни в этот период, поведала мне мать и такой эпизод. Пришло время заплатить за квартиру, она пришла к домохозяйке с деньгами, среди которых был золотой в пять рублей. Женщины поговорили, мать собралась уходить и, когда начала расплачиваться, была очень растеряна: в приготовленных деньгах золотой монеты не оказалось. Стали искать — монеты нигде не было. Матери пришлось заплатить и этот для нее очень тяжелый долг. Когда через много месяцев домохозяйка умерла, чтобы вынести гроб из квартиры, понадобилось отодвинуть рояль, и тут обнаружилась круглая золотая монета, простоявшая много месяцев на ребре у ножки рояля...

Всю жизнь моя мать прожила для других, никогда этого не показывая. До последних дней она сохранила веселый нрав и светлую добрую простоту.

Позднее отец нашел дополнительный способ добывания денег: он великолепно владел техникой рисунка, а

в это время вошли в моду увеличения с фотографий. В Тамбове таких специальных фотографий не было, и поэтому отец после службы работал над рисованными увеличениями с фотокарточек.

Каждый портрет он делал недели, а то и месяцы, работая с лупой, как гравер. Его «увеличения» были виртуозными произведениями рисовального искусства. За такую работу отец получал с заказчика, кажется, рублей двадцать.

Просыпался мой отец очень рано — в пять часов утра — и начинал кормить птиц в клетках. Соловьи, певочки, зяблики и щеглы отлично пели, а он прилежно за ними ухаживал. Когда я был совсем ребенком, по воскресеньям отец увозил меня на лодке в лес, где он собирал муравьиные яйца для своих певуний. Для этого в муравьиную кучу опускалась бутылка, которая через некоторое время оказывалась наполовину наполненной отличными муравьиными яйцами, принесенными в нее муравьями. Почему они это делали, я до сих пор не знаю.

К половине девятого отец уходил на службу, к пяти возвращался, выпивал рюмку водки, и мы начинали обедать — скромно, без «третьего», мясо бывало не часто. После обеда отец читал еженедельный иллюстрированный журнал «Ниву» или приложения к «Ниве».

«Нива», так же как и река, была моей воспитательницей и наставником.

Сочинения Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Льва и Алексея, СалтыковаЩедрина, Чехова, Горбунова, Куприна, Оскара Уайльда, Станюковича — заняли прочное место в моем сознании. Наряду с Николаем Пржевальским, Жюлем Верном, Майн Ридом, Фенимором Купером и Гербертом Уэллсом. Большинство этих книг было издано как приложение к «Ниве» или журналу для юношества «Вокруг света».

Вечером пили чай; отец немного играл на рояле или садился за выполнение очередного заказа — портрета; мать стряпала, обшивала детей. В девять часов вечера вся семья ложилась спать.

В дни раннего детства у меня была няня, ее звали также, как мою мать, Пелагеей. Няне было восемьдесят пять лет, она стирала, колола дрова, мыла пол. У нее не было ни одного седого волоса («черна, как смоль») и ни одного испорченного зуба — они только сделались тонкими от времени. Няня была равноправным членом нашей семьи, и в особенности для меня и брата, дорогим и родным че-

ловеком. Сколько чудесных народных сказок рассказывала она мне тихими зимними вечерами, сколько поведала о нужде и горе крестьянском. В ее комнатке висела большая олеография знаменного города Баку, в котором жил ее сын Иван. Каким загадочным, романтическим, далеким — на самом краю света — казался мне город Баку, и каким экзотическим героем представлялся нянин Иван, добывающий маслянистую, черную, с резким запахом нефть.

Влияние няни на мое формирование было благотворным и значительным.

Возвращаюсь к родителям — как они влияли на мое развитие, как воспитывали?

Родители мои настоятельно воспитывали во мне следующие идеалы:

никогда никому не лгать — нет ничего более святого и главного в жизни, чем правда;

всегда любить бедных и помогать им — нет большего горя в жизни, чем бедность;

всегда уважать чужой труд.

Была и еще одна заповедь, только уже специально от матери: не бегать, не драться, не плавать, ибо это так опасно для моего «слабого здоровья». Болел в детстве я действительно много, но, милые матери, не любите своих детей по примеру моей слишком любящей, я сказал бы — неверно любящей, и этим не мешайте детям сделаться смелыми, здоровыми и сильными.

Все ли родительские заповеди я выполнял в своей жизни? Мне об этом судить трудно. Со стороны виднее. Но, во всяком случае, я всегда старался не лгать, полюбил работу, уважаю чужой труд и больше всего на свете хочу и люблю видеть счастливых людей.

И спортом я занимался...

Среднее образование я получил в тамбовском реальном училище. Порядки в нем были аракчеевские.

В ту пору министром просвещения был Кассо — один из самых реакционных представителей чиновниччьего мира, в котором сконцентрировались все наиболее уродливые его черты. Порядки, насаждаемые им в учебных заведениях, были чудовищны. Наше тамбовское училище, куда в основном определялись дети крупных помещиков землевладельцев, не было исключением. Училище носило громкое имя «Императора Александра Второго — Освобо-

бодителя», а из учеников всеми средствами выхолащивали душу, веру в идеалы, убивали надежды... В нас вселяли всепокорность, безволие, пассивность. Мы подчинялись — и все.

Даже теперь, когда я стар и сед, если во сне вижу себя учеником реального училища, просыпаюсь в холодном поту, как от кошмара. Стоит упомянуть хотя бы о том, что при встрече на улице с директором или инспектором училища приказывалось становиться во фронт и, сняв фуражку, ждать, когда они пройдут.

Но мы все~~таки~~ не делали этого, хитро избегая неприятных встреч.

Преподаватели и наставники особо поощряли ябедничество, а среди нас, учеников, это считалось самым страшным грехом. Начальство «выручал» священник,— он старался все выпытать от нас в церкви на исповеди, и были случаи, когда наивные ребята поддавались этому, а священник докладывал об этих тайных признаниях на училищном совете. Виновному следовала тройка за поведение или исключение из училища.

Нет охоты вспоминать подробности грустных дней, проведенных в училище. Хочется сказать о главном зле, которое приносила нам школа,— она воспитывала в нас ненависть к приобретению знаний. Кроме того, училище закладывало на долгие годы в наше сознание анархическую ненависть ко всякому начальству вообще.

Один из наших старших по годам товарищей, закончивший реальное училище, вернулся в 1916 году с фронта офицером и, встретившись с инспектором Шираевским, спокойно убил его несколькими выстрелами в упор из своего нагана.

Не думайте, что в училище не было хороших людей. С благодарностью вспоминаю я своего классного наставника, преподавателя русского языка Александра Федоровича Аврорина. Он знал пути к детским сердцам, умел страстно говорить о чести и доблести, умел внушить нам любовь к России, русскому народу, русской культуре. Когда я был уже кинорежиссером и поставил несколько картин, я специально поехал в Тамбов вспомнить детство и поклониться этому благородному, честному и справедливому учителю.

В огромной царской России всюду, во всех уголках, наряду с черствыми и жестокими чиновниками были свои Аврорины, представлявшие по~~на~~стоящему благородное лицо нашего народа.

Выли и такие отцы и матери, как у меня, завещавшие детям хотя бы по искорке светлые идеалы, сохраненные ими в условиях тяжело прожитой жизни.

Но Аврорин — исключение, большинство преподавателей были инквизиторами, садистами.

Однако пора кончать с Тамбовом и детством. Все хорошо в меру. Очень хотелось бы рассказать и о балах в женской гимназии, куда мы обязаны были являться в белых лайковых перчатках; о мазурках, вальсах «Осенний сон» и «На сопках Маньчжурии»; и о брате — страстном охотнике и об удивительных наших сеттерах Рапо и Нелли. Первый из них прибежал домой за сорок верст, когда был отвезен по железной дороге погостить к приятелю брата, а вторая так любила меня, что чуяла, когда после неожиданно отмененного урока я шел домой: она ждала у двери, и по этому сигналу мать начинала подогревать обед.

Какие пути привели меня в искусство?

Брат стал студентом и инженером в Москве. Мы с матерью поехали к нему погостить (еще застали конку на Пятницкой улице).

Мы побывали в Оружейной палате, Третьяковке, в цирке, увидели в Большом театре «Лебединое озеро», услышали Шаляпина в «Борисе Годунове», побывали в Художественном театре на спектакле «Вишневый сад». Я был заворожен.

В «Лебедином озере» меня очаровали воздушность балетных пачек, красота движений и грациозность танцовщиц; в «Борисе Годунове» — огромная сила шаляпинского гения; в Художественном театре — естественность и простота постановки и игры артистов. До этого я видел только спектакли Тамбовского театра — аляповато написанные задники; колыхающийся на полотне условно размалеванный лес; актеров, играющих без репетиций и поэтому не спускающих глаз с суплерской будки и «произносящих» («на сцене нельзя говорить — надо произносить», — утверждал Коклен старший) напыщенно монологи.

Искусство в Москве сверкало как бриллиант, а в Тамбове... блестело как стеклышко.

В музеях я стал замечать произведения, отвечающие моему, пусть еще не сформировавшемуся, вкусу.

Больше всего запало в душу богатое, пышное, праздничное, нередко монументальное искусство художников□